

Министерство образования и науки РФ

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ СТАРИНА

№ 2 (4)

2011

Русская старина. 2011. № 2 (4)

Издается 2 раза в год.

Редакционная коллегия:

Д.и.н., профессор А.А. Черкасов (глав. ред.),

К.и.н., доцент В.Г. Иванцов,

Д.и.н. Е.Ф. Кринко,

К.п.н., доцент А.М. Мамадалиев,

К.и.н., доцент О.В. Натолочная

Подписано в печать 25.09.2011 г.

Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 2,3. Усл. печ. л. 2,4.

Тираж 500 экз. Заказ № 4.

Редактор, корректор

Н.Ш. Сайфутдинова

Редактор-переводчик А. В. Рожкова

Технический редактор, электронная поддержка Н. А. Шевченко

Учредитель и издатель – ИП Кочкешев Ю.К.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

Ермачков И.А., Натолочная О.В. Сочи – город-госпиталь	4
Тарчевский Б.А. К вопросу о зарождении школьного альпинизма в Сочи	8
Ксенофонтов В.Л., Диденко Н.В., Тарчевский Б.А., Гусева А.А. Памятники истории и культуры Сочи	10
Ксенофонтов В.Л., Диденко Н.В. Ацангуары на северном склоне хребта Аибга	15
Диденко Н.В., Солодько А.С., Ксенофонтов В.Л. Пслухская крепость: историко-географическое описание	18
Бершадская О.В. Армянское и греческое население Сочинского района в конце XIX – первой трети XX вв.	23

Статьи и сообщения

Сочи – город-госпиталь

И.А. Ермачков, О.В. Натолочная

Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи истории Сочи как города-госпиталя в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, город-госпиталь, Сочи.

22 июня 1941 г. начался один из самых страшных периодов в истории нашей страны – Великая Отечественная война. Она внесла свои ужасные коррективы в судьбы миллионов советских граждан, в развитие всех регионов советского государства. Не является исключением и город-курорт Сочи, который сыграл в годы ВОВ ключевую роль в лечении раненых советских солдат, в их реабилитации.

Эпопею города Сочи как города-госпиталя по принятой традиции условно делят на три основных периода: первый период – август 1941 г. – июль 1942 г.; второй – август 1942 г. – март 1943 г.; третий – апрель 1943 г. – май 1946 г.[1] В данном материале мы рассматриваем все три периода работы госпитальной базы.

По словам очевидцев, в первые же дни войны Сочи обезлюдел: «переполненные поезда увозили с курорта больных и отдыхающих[2]». И с этого же момента опустевшие санатории спешно принимали меры для приема ожидавшихся раненых, но поскольку особых директив по этому вопросу еще не было, то и меры по подготовке к приему раненых были на добровольных началах. Но уже 7 июня 1941 г. вышло постановление Совета народных комиссаров, в котором говорилось о том, что только на территории Краснодарского края дополнительно к существующим должны быть развернуты эвакуационные госпитали на 32160 коек. Примечателен тот факт, что только в Сочи планировалось организовать на основе санаторно-курортных учреждений госпитальную базу на 20350 коек[3].

Среди основных задач МЭП-104 можно выделить главную – распределение раненых по госпиталям и методологическое руководство работой госпиталей. Благодаря правильно организованной работе по оборудованию госпиталей уже к 1 августа 1941 г. в Сочи было закончено формирование 24 госпиталей емкостью 12,6 тыс. коек. Первоначально все госпитали были укомплектованы всем необходимым: оборудованы операционные, перевязочные, санпропускники, дизенфекционные камеры, гипсовальные, кабинеты

ты переливания крови, а также лечебно-диагностические кабинеты[4]. И уже 5 августа 1941 г. в Сочи прибыли первые раненые, «на улице Горького люди со слезами тепло встречали их, дарили фрукты, цветы, папиросы»[5]. Затем эшелоны с ранеными стали приходить регулярно. Количество раненых и количество госпиталей в Сочи возрастало, и МЭП-104 один не мог справиться с работой по управлению госпитальной базой, в связи с чем 11 сентября 1941 г. приказом по управлению госпиталями Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) по Краснодарскому краю было организовано в городе Сочи Краснодарское краевое управление госпиталями ВЦСПС. Этим же приказом начальником нового управления назначен Федор Владимирович Федосеев[6]. Также была выстроена структура самого управления: канцелярия, плановая группа, финансово-счетная группа, медицинский сектор, строительная группа, группа снабжения[7].

Об эффективности работы госпиталей в первый период функционирования госпитальной базы говорят следующие данные: поступило раненых и больных воинов – 92903, возвращено в части выздоровевших – 5159, уволено в отпуск (запас) – 12608, умерло – 421[8].

С августа 1942 г. начинается новый этап в деятельности сочинских госпиталей, который ознаменовался их эвакуацией с территории города. Эвакуация была вызвана изменением обстановки на фронте: «к осени 1942 г. положение Сочи стало еще более угрожающим. Немцы заняли Краснодар, Советские войска отступали к Новороссийску, Туапсе и Грозному. Над Сочи нависла опасность полного окружения»[9]. В этой сложной обстановке командование принимает решение об эвакуации сочинских госпиталей преимущественно в Закавказье и в Среднюю Азию. Эвакуация происходила быстро, но с большими сложностями. Часть эвакуированных госпиталей находились «на открытом воздухе. Все медицинское имущество и мягкий инвентарь от дождей испортился»[10]. Но еще большую проблему представляло размещение личного состава госпиталей. Так в докладной записке начальника Сочинского Управления госпиталями ВЦСПС Федосеева говорилось, что «трудности переезда госпиталей из Сочи в Тбилиси и Баку, длительное пребывание под открытым небом привело к большому заболеванию сотрудников малярией, гриппом и воспалением легких, в результате чего умерло 7 чел. взрослых и 2 детей»[11]. Приведенные факты говорят об очень низком уровне подготовки к эвакуации госпиталей, и такое положение продолжалось довольно долго. Об этом мы узнаем из докладной записки начальника госпиталя №3212 Роменского: «Госпиталь провел 4 месяца в Тбилиси на открытой сцене, без всякой помощи и внимания Грузинского управления, в холоде без всякого снабжения, в условиях, когда сотрудники вынуждены были продавать последние вещи и выезжать, не имея на расходы денег и не имея возможности закупить продукты и обеспечить питанием персонал»[12].

С февраля 1943 г. началось возвращение госпиталей из эвакуации в Сочи, поскольку опасность захвата города практически миновала. Возвращение госпиталей из эвакуации также сопровождалось большими трудностями, среди которых можно выделить нехватку транспорта, нехватку мед-

персонала, нехватку дров для отопления. Заметим, что особо остро сказывалась нехватка питания, о чем говорится в письме заместителю начальника командующего ЧГЗ СКФ Купникову: «Урожай наших прикурортных хозяйств уничтожен проходившими частями и волной беженцев. Управления эвакогоспиталями лишены каких бы то ни было продовольственных ресурсов и обеспечить питанием персонал не имеет возможности»[13]. Отметим, что со всеми этими трудностями удалось справиться.

На 1 июня 1943 г. в Сочи дислоцировалось 28 госпиталей, в которых было развернуто 13350 коек. Госпитали были переполнены и это притом, что в сочинских госпиталях оставались лишь тяжело раненые, требовавшие длительного квалифицированного лечения.

Всего за годы войны через госпитали города прошло 335955 раненых и больных воинов. Многие из них полностью восстановили свое здоровье, были выписаны на фронт и возвращены в армию. К сожалению 6834 раненых воина медикам не удалось спасти – они умерли в госпиталях.

Подчеркнем, что в госпиталях была хорошо организована работа не только по лечению раненых и больных солдат, но и была развернута идеологическая и культурно-массовая работа. Так, 10 мая 1943 г. на заседании Бюро ГК ВКП(б) отмечалось, что «военно-физкультурная работа за период с января 1943 г. улучшилась. Организовано занятие всеобща, работают кружки по изучению материальной части оружия, проведены массовые физкультурные мероприятия»[14]. Но и в области идеологической пропаганды были трудности, например, «в ряде госпиталей партийно-политическая работа развернута слабо и имеет ряд существенных недостатков. Социалистическое соревнование между госпиталями и внутри их не организовано. Стенгазеты и боевые листки выпускаются не везде и не регулярно»[15]. Для решения перечисленных недостатков 27 мая 1943 г. Бюро ГК ВКП(б) постановило «обязать секретариат парторганизаций и заместителей начальников по политчасти эвакогоспиталей организовать социалистическое соревнование между госпиталями и внутри их, мобилизуя коллектив на завоевание переходящего Красного Знамени Горкома ВКП(б) и Горисполкома... Обеспечить рост идейно-политического уровня коммунистов и беспартийных, путем организации помощи самостоятельно изучающим краткий курс истории ВКП(б) и первоисточники – труды Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина»[16]. Отметим, что это постановление Бюро ГК ВКП(б) было реализовано в полном объеме: была «четко организована работа агитколлективов, обеспечивается систематический и полный охват всех раненых и персонала политинформациями, беседами, лекциями»[17]. Подчеркнем, что во всех госпиталях работали библиотеки, репродукторы (по которым транслировались сводки Информбюро), организовывали экскурсии по городу и его окрестностям, а вечерами для раненых проводились клубные мероприятия (показ фильмов, концертов, художественной самодеятельности).

В заключении можно сделать вывод о том, что сочинские госпитали, преодолев немало трудностей в период Великой Отечественной войны, справились с главной задачей – успешным лечением больных и раненых

солдат, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. Самоотверженный подвиг во имя жизни совершили сочинские медики, которые, работая по 12–14 ч в сутки, без отпусков и выходных смогли тысячи раненых солдат вернуть к жизни. За это они были награждены как правительственными орденами, так и медалями, но главную свою награду сочинские медики, да и весь город Сочи получил в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 8 мая 1980 г: «За большую и самоотверженную работу трудящихся города по лечению и восстановлению здоровья воинов Советской Армии и Военно-Морского флота в года Великой Отечественной войны ... наградить город Сочи орденом Отечественной войны I степени». Таким образом, на самом высоком уровне был оценен огромный вклад города-курорта Сочи в дело Великой Победы.

Примечания:

1. Тажиудинова И.Г. Повседневность Великой Отечественной войны в дневнике сочинца А.З. Дьякова // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4. С. 79–95; Радичко Л.В., Черный В.И. Политическая работа в госпиталях Сочи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 4. С. 62–65; Черкасов А.А. К некоторым аспектам работы Сочинской госпитальной базы (1941–1945 гг.): периодизация и эффективность // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 2. С. 19–28;
2. Чекерес О.Ю., Черкасов А.А. К вопросу о снабжении сочинских госпиталей в годы Великой Отечественной войны // История и историки в контексте времени. 2005. № 3. С. 70–79.
3. Архив музея истории города-курорта Сочи. Ф.ВОВ. Д.58. Л.1.
4. Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сочи, 2003. С.177.
5. Солдатские мемуары сочинских ветеранов войны. Т.1. Сочи, 1998. С.3.
6. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф.Р-218. Оп.1. Д.1. Л.1.
7. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.8. Л.52.
8. Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сочи, 2003. С.179.
9. Линец С.И. Формирование госпитальной базы в городах-курортах Кавказских минеральных вод в первый год Великой Отечественной войны // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 3. С. 54–63.
10. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.4. Л.16.
11. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.4. Л. 1.
12. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.14. Л.7.
13. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.14. Л.43.
14. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.14. Л.130.
15. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.14. Л. 151.
16. Натолочная О.В. Влияние Великой Отечественной войны на изменение мировоззрения советского человека // История и историки в контексте времени. 2005. № 3. С. 80–95.
17. АОАГС. Ф.Р-218. Оп.1. Д.14. Л.155.

К вопросу о зарождении школьного альпинизма в Сочи

Б.А. Тарчевский

Русское географическое общество, сочинское отделение, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс зарождения школьного альпинизма в городе Сочи в 1950-е годы.

Ключевые слова: школьный альпинизм, Сочи, история.

Море и горы всегда были самой притягательной стороной природы Сочинского Причерноморья. Сочинские школьники, проводя большую часть летних каникул на городских пляжах, не забывали и о горах. Увлекательные туристские походы в горы всегда привлекали молодёжь и школьников. В 1950-х гг. наиболее популярными у туристов-школьников были массивы гор Фишт, Амуко, Ачишхо, Аибга и районы озёр Кардывач и Рица. При сочинском Доме Пионеров в те годы работала секция туризма. Руководитель секции – Валерия Ефимовна Орлова – водила школьников младших и средних классов в походы по сочинским горам. Почти в каждой школе учителя водили школьников в походы во время летних каникул. Ходили школьники и сами, стихийно организуясь в небольшие группы. Очень популярен был горный туризм в сочинской мужской школе №2. Ученики этой школы Владимир Беляев, Юрий Петров, Валерий Фаерман и другие много ходили по горам, рассказывали своим школьным товарищам о своих походах, показывали походные фотографии, рисовали схемы маршрутов и этим вовлекали в туризм всё новых и новых школьников. Увлеченные рассказами своих товарищей, школьники шли в горы, зачастую не имея представления о природе гор, о таящихся там опасностях, о технике туризма.

Так, в начале 50-х годов трое учеников школы №2 Юрий Шунов, Геннадий Ефремов и Борис Тарчевский отправились из Дагомыса пешком на гору Фишт. Не имея карты, палатки, спальных мешков и даже тёплой одежды, они всё же дошли до подножия Фишта и даже пытались подняться на вершину по южной стене. Но после первой же холодной ночёвки были вынуждены повернуть назад. К счастью поход не закончился трагически. Такие авантурные походы не были редкостью. Причём просматривалась тенденция к стремлению не только ходить по горным тропам, но и восходить на вершины. Это был явный уклон в сторону альпинизма. Так под руководством упоминавшейся выше Валерии Ефимовны Орловой пионеры совершили восхождения на ряд невысоких вершин (Амуко и др.), а также на гору Фишт с севера, а это уже альпинистский маршрут 1«Б» категории сложности. Ученики школы №2 совершили самостоятельно ряд восхождений на вершины Люоб, Агепсту и другие. Назрела необходимость направить стихийный школьный альпинизм в организованное русло.

И вот в 1953 году по инициативе учителя географии школы №2, председателя городской секции альпинизма Алексея Ивановича Федосова была создана секция альпинизма для старших школьников при сочинском Доме Пионеров. Кроме А.И. Федосова ещё одним руководителем секции была альпинистка Нина Александровна Митрофанова, работавшая секретарем в суде. В секцию записалось много школьников. От школы №2 в секцию вошли: Юрий Петров, Владимир Беляев, Валерий Фаерман, Анатолий Пронин, Эдуард Абражевич, Геннадий Ефремов, Борис Тарчевский, Чиргин, Несмеянов и др. Представители других школ: Вера Щербинина, Тамара Абражевич (школа №1), Валентина Михайленко (школа №9) и многие другие. Занятия секции проводились в Доме Пионеров. Здесь изучали теорию, учились вязать узлы. Технику страховки отрабатывали следующим образом. К дереву (оно и сейчас растёт у западного торца здания) приставляли лестницу. Будущий альпинист, обвязавшись верёвкой, взбирался по лестнице вверх, пристёгивал верёвку к карабину, привязанному к толстой ветке дерева, и по команде прыгал вниз. Другой конец верёвки удерживал школьник, стоявший внизу в позе страхующего через плечо. На зимних каникулах А.И. Федосов организовал выезд секции на гору Ахун, где школьники осваивали катание на горных лыжах.

Ученики школы №2 образовали свою как бы подсекцию, руководимую Валерием Фаерманом. Под его руководством проводились скальные занятия в Агурском ущелье и даже на береговых обрывах в районе маяка (школа №2 тогда располагалась около нынешнего концертного зала «Фестивальный»). Ближе к летним каникулам занятия секции стали более интенсивными. Их проводили на Орлиных и Белых скалах А.И. Федосов и Н.А. Митрофанова. Школьники отрабатывали технику скалолазания, учились забивать крючья, проходили отвесные стены верхнего яруса Орлиных скал, осваивали передвижение в связках.

16 июля 1953 года члены секции под руководством А.И. Федосова и Н.А. Митрофановой отправились в альпинистскую экспедицию, исходным пунктом которой стала Красная Поляна. Снаряжена экспедиция была хорошо: палатки, спальные мешки, штормовые костюмы, отриконенные ботинки, ледорубы, крючья, карабины, только появившиеся в то время капроновые верёвки (большой дефицит!). Во время этой экспедиции школьники совершили восхождения на горы Чугуш, Южный Псеашхо и пик Сахарная Голова (этот пик они пытались переименовать в «пик Свободная Корея», но название не прижилось).

После экспедиции Владимир Беляев, Юрий Петров и другие уже самостоятельно совершили ряд восхождений в районе озера Кардывач, в том числе на пик Смидовича по маршруту З«А» категории сложности.

Дальнейшая судьба ребят сложилась по-разному. Юрий Петров достиг больших успехов в альпинизме. Владимир Беляев стал геологом.

Памятники истории и культуры Сочи

В.Л. Ксенофонтов, Н.В. Диденко,
Б.А. Тарчевский, А.А. Гусева

Русское географическое общество, сочинское отделение, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор экспедиции сочинского отделения Русского географического общества об учете памятников историко-культурного наследия на территории Большого Сочи.

Ключевые слова: Историко-культурное наследие, Сочи, Русское географическое общество.

В начале 2005 г. Сочинское отделение Русского географического общества по заданию администрации края участвовало в подготовке материалов комплексного экологического обследования территорий, резервируемых для целей признания лечебно-оздоровительными местностями, в границах Молдовского, Нижне-Шиловского, Кудепстинского и Краснополянского сельских округов и в разработке системы экологических нормативов и ограничений для их использования. В процессе этой работы, наряду с другими материалами (топонимика, памятники природы, закарстованные территории и пещеры) был составлен перечень памятников истории и культуры, расположенные на территории Сочи в заданных границах, а также составлена карта расположения этих памятников масштаба 1:50 000. Большая часть памятников находится на территории Сочинского национального парка.

В Перечень, пока далеко не полный и имеющий предварительный характер, вошли не только археологические памятники, но также и другие объекты историко-культурного наследия г. Сочи – храмы, места погребений, здания, имеющие исторический интерес и др. Часть этих исторических объектов уже поставлена на учет республиканской, краевой и местной администрацией как объекты историко-культурного наследия, и охраняются государством, что, впрочем, в ряде случаев не отразилось, к сожалению, на их сохранности (1, 2, 26, и др.). Но многие из упомянутых в Перечне объектов не имеют соответствующего статуса и нуждаются в паспортизации и постановке на учет (3, 18, 18А, 23, 29 и др.). На часть объектов имеются описания и фотографии, другие затерялись в буквальном смысле среди сочинских лесов и гор. В Перечень не вошли исторические объекты городских территорий. Нашей задачей был учет ценных исторических объектов в целях их сохранности при освоении территорий и дальнейшего изучения.

Работа выполнена группой в составе: В.Л. Ксенофонтов, А.В. Гусева, Н.В. Диденко, Б.А. Тарчевский; консультанты Л.Н. Кольценко, Б.Д. Цхомария. Докладчик и руководитель группы Ксенофонтов Владимир Леонидович.

Секция краеведения и туризма Сочинского отделения Русского географического общества намерена продолжить эту работу и надеется со временем представить ее результаты в полном объеме.

ПЕРЕЧЕНЬ

памятников истории и культуры междуречья Хосты и Псоу Сочинского Причерноморья

1. Дольмены на р. Медовеевка, левом притоке р. Чвижепсе (7 дольменов), частично разрушены.
2. Дольмены и колодцеобразные гробницы эпохи бронзы (раскопано 4 дольмена и 3 гробницы) на левом берегу р. Бешенка в 0,5 км от бетонного моста выше по течению реки, пос. Красная Поляна.
3. Место захоронения праха писателя и географа, автора книги «Тропами горного Черноморья» Ю.К. Ефремова (1913–1999 гг.) и остатки крепостей (раннее средневековье) Монашка-1 и Монашка-2 (выше по гребню хребта), междуречье Бешенки и Монашки, пос. Красная Поляна.
4. Колодцеобразная гробница у остановки автобуса на въезде в гараж турбазы МО в 0,45 км к востоку от моста через ручей Мельничный (засыпана грунтом), пос. Красная Поляна.
5. Колодцеобразная гробница в ограде гаража турбазы МО по ул. Защитников Кавказа, пос. Красная Поляна.
6. Колодцеобразная гробница на площадке выше существующей автозаправки (30 м восточнее), засыпана грунтом, пос. Красная Поляна.
7. Остатки средневековых крепостей Бешенка-1, Бешенка-2, Бешенка-3 и Бешенка-4 на правом берегу р. Бешенка на гребне отрога в районе выс. 916 м, пос. Красная Поляна.
8. Остатки крепостей Аибга-1 и Аибга-2 (раннее средневековье) на левом берегу р. Мзымта на отроге хр. Аибга (в 1 км от русла р. Мзымта) на выс. 601 м.
9. Остатки Ачипсинской крепости (раннее средневековье, IX–X вв.) в приустьевой правой части р. Ачипсе на гребне водораздела (правобережье р. Мзымта), пос. Красная Поляна.
10. Стоянка первобытного человека (эпохи мустье – бронза) в нижнем течении р. Бешенка на северо-восточном склоне под крепостью Бешенка-1, пос. Красная Поляна.
11. Дольмены в урочище Дмитриевка на левом берегу р. Монашка (юго-западный склон), пос. Красная Поляна.
12. Остатки Пслухской крепости (раннее средневековье) напротив устья р. Пслух (левобережье р. Мзымта).
13. Остатки крепости Роза-Хутор (раннее средневековье) на гребне отрога в 0,8 км восточнее Ржаной Поляны (левобережье р. Мзымта).
14. Стоянка первобытного человека (эпохи мустье – бронза) на Пихтовой Поляне хребта Псекохо в районе выс. 1554 м.

15. Остатки крепостей Куницино-1, Куницино-2, Куницино-3, Куницино-4 и Куницино-5 (раннее средневековье) на гребне правобережья р. Монашка в районе высот от 890 м до 1318 м.

16. Остатки крепости Котел (средневековье) в 5 км на юго-запад от пос. Красная Поляна на отроге хребта Аибга в районе Сысоевских Скал между реками Галион 1-й и Галион 2-й (нанесено предположительно, требует уточнения).

17. Ацангуары на хребте Ачишхо (VI–X вв.) – остатки древних пастушеских хозяйственных и жилых сооружений.

18. Домик дорожной службы Черноморского (Краснополянского) шоссе (начало XX в.), Краснополянское шоссе, правый берег в устье р. Кепша, в 130 м от металлического моста (также постройки начала XX в.) через р. Кепша.

На Кепшинском кладбище (правобережье р. Мзымты) – братская могила греков – рабочих-строителей Краснополянского шоссе, погибших при его строительстве в 1897–1898 гг.: четырехгранная пирамида высотой около 2,5 м из бетона с забутовкой глыбами известняка, наверху когда-то стоял крест.

19. Кепшинская пещерная стоянка первобытного человека (эпохи мустье – бронза) в 0,7 км к юго-западу от устья р. Кепша в северном окончании ущелья Ахцу.

20. Остатки храма и крепости Глубокий Яр (раннее средневековье, IX–X вв.) на левом берегу р. Глубокий Яр в 0,3 км от ее устья, напротив пос. Монастырь, левобережье р. Мзымта.

21. Остатки храма и крепости Галицино (средневековье) на правом берегу р. Мзымта (местоположение показано предположительно).

22. Ахштырская (Большая Казачебродская) пещерная стоянка первобытного человека (эпохи ашель – бронза), правобережье р. Мзымта.

23. Ахштырский православный храм (постройка конца XIX в., частично разрушен), в северной части пос. Ахштырь.

24. Остатки храма на вершине г. Сахарная Головка (она же г. Лацынуха), народное название – храм Ильи-Пророка (раннее средневековье, IX – X вв.) в верховьях рек Бол.Херота и Старики, близ пос.Каменка.

25. Комплекс колодеобразных гробниц в урочище Черная Скала на правобережье р. Псоу восточнее пос. Аибга (I–II тыс. до н.э.).

26. Средневековые поселения Айбога (садзы) на правобережье р. Псоу в пределах пос. Аибга-1.

27. Нижне-Шиловское поселение с остатками храма (раннее средневековье) в 1,5 км ниже южной оконечности Шахгинского ущелья на р. Псоу.

28. Остатки храма в 2,0 км юго-восточнее г. Ефрем на водоразделе рек Кудепста и Псахо (раннее средневековье, IX–X вв.).

29. Остатки храма на водоразделе рек Кудепста и Псахо (средневековье) к западу от пос. Лесное.

30. Навалишинская пещерная стоянка первобытного человека (эпохи мустье – бронза) в пещере Широкопокосская (или Божьей Матери) в правом борту Кудепстинского ущелья в 0,3 км восточнее пос. Красная Воля.

31. Воронцовская пещерная стоянка первобытного человека (эпохи неолит – бронза) в верховьях р. Кудепста. Входные гроты, ход Теплый.

32. Развалины средневековой сторожевой башни на правом берегу р. Кудепста в 0,3 км восточнее пос. Каштаны.

33. Кудепстинский жертвенный камень (дольменная культура) в роще пробкового дуба между поселками Кудепста и Дубравный.

34. Малая Воронцовская (в пещере Партизанская) пещерная стоянка первобытного человека (эпохи мустье – бронза) в верховьях р. Восточная Хоста на ее правом берегу в южной оконечности Верхне-Хостинского каньона.

35. Хостинская пещерная стоянка – I первобытного человека (пещера Хостинская (Первомайская 7); эпохи мустье – бронза) в правом борту Навалишинского ущелья на р. Восточная Хоста.

36. Хостинская пещерная стоянка – II первобытного человека (пещера Навалишинская или Музейная; эпохи мустье – бронза) в правом борту Навалишинского ущелья на р. Восточная Хоста в 1 км ниже стоянки Хостинская-I.

37. Стоянка первобытного человека в пещере Дзыхринская, недалеко от пос. Дзыхра, левый берег среднего течения р. Мзымта.

38. Церковь Святого Георгия в пос. Лесное на р. Псахо (начало XX в.).

39. Храм Успения Богородицы в пос. Верхне-Высокое (начало XX в.).

40. Краснополянская школа искусств – здание бывшей греческой школы (начало XX в.).

41. Дом В.Ф. Хмелевского в пос. Красная Поляна, ныне службы «Водоканал» (начало XX в.).

Список

памятников истории и культуры, не нанесенных на карту ввиду неопределенности их положения (9)

42. Стоянка первобытного человека, находится в 350–400 м западнее пос. Галицино, правый берег среднего течения р. Мзымта.

43. Стоянка первобытного человека, находится восточнее пос. Дзыхра, среднее течение р. Мзымта, Виноградный грот.

44. Стоянка первобытного человека, находится южнее пос. Монастырь на левом берегу р. Мзымта, вниз по течению.

41. Стоянка первобытного человека, находится в 2 км на юго-запад от пос. Монастырь на правом берегу р. Мзымта.

42. Стоянка первобытного человека, находится на левом берегу р. Мзымта в 4-5 км от моря на террасе Колькина Поляна.

Примечания:

1. Замятин С.Н. Очерки по палеолиту. М., Л., 1961.
2. Недоля И.К. Отчет по обследованию памятников средневековья в районе Большого Сочи. Фонды СО РГО, арх. № 404, 1969.
3. Инал-Ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми. 1971.
4. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
5. Марковин В.И. Испун – дома карликов. Краснодар, 1985.
6. Палеолит Кавказа и Северной Азии (сборник научных трудов АН СССР). Л., 1989.
7. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии (сборник научных трудов АН СССР). М., 1994.
8. Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев (1894–1972 гг.). С-Пб., 1994.
9. Каталог историко-культурного наследия Сочи. Управление культуры администрации г. Сочи. Сочи, 1997.

Ацангуары на северном склоне хребта Аибга

В.Л. Ксенофонтов, Н.В. Диденко

Русское географическое общество, сочинское отделение, Россия

Аннотация. В материале представлены исследования ацангуаров на территории северного склона хребта Аибга (Большой Сочи).

Ключевые слова: ацангуары, Большой Сочи, хребет Аибга.

Помимо Пслухской крепости, в сферу влияния ГЛК «Роза-Хутор», вернее на её территорию в зону проектируемой прокладки лыжных трасс, попадают *ацангуары* – древние пастушеские постройки (раннее средневековье VI–X вв.), остатки которых сохранились на альпийских и субальпийских лугах северного склона хребта Аибга в верховьях ручьев Сулимовский и Кольценко. Это территория Сочинского национального парка.

Остатки подобных сооружений встречаются на склоне хр. Аибга также и западнее упомянутых – в верховьях ручьев Ржаной и Медвежий, в районе г. Каменный Столб (2509 м). Ацангуары хребта Аибга вошли в «Перечень памятников истории и культуры междуречья Хосты и Псоу Сочинского Причерноморья» как «Ацангуары на северном склоне хребта Аибга в верховьях ручьев Медвежий, Ржаной, Сулимовский, Кольценко» [1].

К сожалению, ацангуары этого района практически не изучены и не обследовались учеными-археологами – это белое пятно для российской науки, чего не скажешь о таковых в Абхазии. Ближайшая археологическая разведка проводилась в 1970-х гг. археологом, доктором исторических наук Ю.Н. Вороновым (г. Сухуми) на территории Абхазии: в бассейне р. Псоу (хребет Кацирха; верховья рек Катарха и Беш, урочище Монастырь в верховьях р. Крепостная, урочища Дзо и Чамашха, и др.), а также у нас в бассейне р. Мзымта (Ацетукские озера, оз. Кардывач, пер. Кутахеку и др.) [2].

В 1968–1971 гг. ацангуары альпийских лугов хребтов Ачишхо и Псеашхо обследовались краснополянскими краеведами Л.Н. Кольценко и Л.Л. Ситниковым [3]. В 1997 г. группа краеведов Сочинского отделения Русского географического общества в составе В.Л. Ксенофонтова и А.С. Солодько обследовала ацангуары северного склона хр. Аибга, в том числе и те, о которых идет речь. Были произведены обмеры, сделаны зарисовки и фотографии.

В период раннего средневековья (VI–VIII вв.) территория Западного Кавказа, высокогорные районы с их богатыми альпийскими лугами осваивалась местным населением под интенсивное отгонное скотоводство. К та-

ким памятникам гражданской архитектуры тех времен относятся ацангуары. В переводе с абхазского слово «ацангуары» означает «ограды карликов». Народные предания племен зихов, гениохов, абазин, живших позднее на этих же землях, повествуют о том, что в подобных постройках обитали когда-то карлики-ацаны. Кстати, пока среди ученых нет единого мнения о назначении и хронологии этих удивительных высокогорных построек.

По мнению Ю.Н. Воронова, строителями и пользователями ацангуар в то время были абасги, апсилы, саниги, населявшие в VI–VIII вв. прилегающие долины горных рек и морское побережье.

Что такое ацангуары? Ацангуары представляют собой каменные пастушеские жилые и хозяйственные сооружения, распространенные у нас в верховьях рек Мзымта, Сочи, на хребтах Ачишхо, Псеашхо, Аибга, в горной Абхазии и в других местах Западного Кавказа. Каждый комплекс ацангуаров включает в себя жилище пастуха, хозяйственные помещения, ограды для скота, разнообразные пристройки и пр. Главными условиями для постройки ацангуаров были удобный рельеф, близость воды, пастбищ, дров, строительного камня.

Основой всякого ацангуарного комплекса считается жилище пастуха – обычная примитивная каменная постройка прямоугольной конфигурации без фундамента, с узким входом, иногда с окном, с толстыми каменными стенами из глыб, перекрытыми деревянной кровлей. Войдя внутрь такого помещения, можно было увидеть лежанку из камня, крытую шкурами и войлоком, плоские камни для сидения вокруг очага, утварь и сам очаг.

В развалинах жилых ацангуаров на территории Абхазии найдено большое количество фрагментов керамики – особой пористой «скотоводческой» посуды, пригодной для длительного хранения молочных продуктов – это разнообразные котлы, кувшины, миски, пифосы и пр. Найдены также железные изделия (наконечники стрел, гвозди, ножи, кресала и др.), изделия из камня (тёрочки, точильные бруски, кремниевые отщепы) и кости животных (овец, коз, реже коров и лошадей).

Нередко ацангуары образуют целый поселок, объединяющий 15–20 жилых помещений с примыкающими хозяйственными постройками и загонами для скота. Хозяйственные постройки имели более низкие и тонкие стены, нежели жилые. Высота ограды для скота не превышает 1 м, а территория загонов бывает довольно большой [4].

Ацангуары в верховьях ручья Сулимовский представляют из себя достаточно обширный комплекс жилых и хозяйственных построек (два жилых помещения с пристройками) и ограды загонов для скота (4 загона), расположенный на западной границе проектируемого комплекса в альпийской зоне на высоте 1950–1970 м, рядом – небольшой летующий снежник.

Ацангуары в верховьях ручья Кольценко, в центральной высокогорной части ГЛК представляют собой одно жилое помещение с двумя загонами; абсолютная высота их расположения 2110–2120 м. Это также альпийская зона с рядом уступов в рельефе, на которых покоятся снежники и небольшие водоёмы-озерца. Все эти сооружения достаточно разрушены временем,

практически не изучены и срочно нуждаются в своих исследователях-археологах.

Ацангуары хребта Аибга в верховьях ручьев Сулимовский и Кольценко находятся непосредственно на территории ГЛК «Роза-Хутор», и даже (восточный комплекс) попадают на одну из лыжных трасс. Эти ацангуары слабо изучены и представляют научный интерес как средневековые памятники истории и культуры Сочи.

В этой связи рекомендуется провести паспортизацию ацангуарных комплексов, поставить их на краевой учёт и государственную охрану; за счет инвесторов ГЛК «Роза-Хутор» провести дальнейшие археологические исследования с привлечением специалистов Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Согласно рекомендациям ученых и специалистов, определить охранную зону памятника и установить её режим. Если возможно, согласно рекомендациям специалистов, произвести частичное благоустройство территории ацангуарных комплексов и подходов к ним, а также частичную реконструкцию (с макетированием) этих сооружений. Лыжные трассы рекомендуется проложить за пределами охранной зоны ацангуаров; при этом возможна реконструкция (неподалеку) древних сооружений с воссозданием обстановки жилища пастуха. Возможно дальнейшее использование ацангуаров в летнее время в качестве экскурсионного объекта Сочинского национального парка на территории ГЛК.

Примечания:

1. Карта памятников истории и культуры междуречья Хосты и Псоу м-ба 1:50 000 с текст. прил. 2005 г. Архив СО РГО. арх. № 661.
2. Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. По древним тропам горной Абхазии (материалы по средневековому пастушеству). Сухуми, 1982.
3. Карта памятников истории и культуры междуречья Хосты и Псоу м-ба 1:50 000 с текст. прил. 2005 г. Архив СО РГО. арх. № 661.
4. Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. Указ. соч.

**Пслухская крепость:
историко-географическое описание**

**Н.В. Диденко, А.С. Солодько,
В.Л. Ксенофонтов**

Русское географическое общество, сочинское отделение, Россия

Аннотация. В материале сотрудников сочинского отделения Русского географического общества представлено историко-географическое описание крепости на реке Пслух близ Красной Поляны Большого Сочи.

Ключевые слова: Пслухская крепости, историко-культурное наследие, Большой Сочи.

В пределах Сочинского Причерноморья историками и краеведами описано немало средневековых крепостей и храмов, львиная доля которых (около двух десятков) приходится на междуречье Хосты и Псоу. Крепости, крепосцы и сторожевые посты возникали на стратегически важных путях и возвышенностях, вдоль вьючных караванных троп и дорог, в местах отдалённых или же густо заселённых. Многие крепости правильнее называть крепосцами, сторожевыми постами, т.к. их размер позволял вмещать лишь небольшой отряд защитников (или нападавших).

В связи с освоением части северного склона хребта Аибга между ручьями Пограничный и Лесной под горно-лыжный комплекс «Роза-Хутор» (сокращенно ГЛК) Сочинским отделением Русского географического общества (далее СО РГО) в октябре-ноябре 2005 г. по заданию Сочинского национального парка была выполнена паспортизация памятника истории и культуры «Остатки Пслухской крепости на левобережье р. Мзымты».

Пслухская крепость решением Краснодарского краевого исполкома №540 от 26.08.1981 г. поставлена под государственную охрану как памятник истории и культуры местного значения.

Она же числится в Каталоге историко-культурного наследия г. Сочи в разделе «Памятники археологии» по Адлерскому району за № 21 как «Остатки Пслухской крепости» [1].

Работы по обследованию Пслухской крепости были выполнены группой членов СО РГО в составе Н. Диденко, А. Солодько, В. Ксенофонтова, В. Новикова, С. Федоровой, Л. Соничевой, З. Балобановой и Т. Холуенко с 5 по 8 октября 2005 г.

Расположена Пслухская крепость на территории Сочинского национального парка в среднем течении р. Мзымта на отроге хребта Аибга между ручьями Сулимовский и Кольценко напротив устья р. Пслух. За прошедшие тысячу лет крепость, возможно подновлявшаяся, заросла деревьями, кус-

тарниками и лианами; травами и мхами покрылись её стены и башни. Несведущему человеку трудно сразу угадать под буйной растительностью очертания древнего оборонительного сооружения. Однако, при внимательном обследовании обнаруживаются хорошо сохранившиеся, особенно с юга, стены крепости, её контрфорсы. Нами отобраны образцы строительного камня и скрепляющего блоки цемента, они переданы в фонды СО РГО и Музея истории города-курорта Сочи.

Плечо отрога, на котором лежат остатки крепости, вытянуто с востока на запад. Абсолютные отметки (далее абс. отм.) поверхности земли на гребне плеча изменяются от 830 до 840 м; абс. отм. восточной башни крепости 832 м; у подножья отрога абс. отм. составляют около 670 м. Таким образом, имеет место превышение около 160 м (относительная высота отрога); кратчайшее расстояние (в плане) от восточной башни до р. Мзымта 130 м. Сравнить: абс. отм. гребня хребта Аибга на этом участке 2200–2300 м; г. Каменный Столб с абс. отм. вершины 2509 м – это высочайшая вершина хр. Аибга.

В период раннего средневековья (VI–X вв.) – именно так датируется возведение Пслухской крепости – район Сочи входил в состав Абхазского царства, протянувшегося вдоль Черноморского побережья от Никопсии (ныне район г. Туапсе) на западе до Сурамских гор и р. Чорох (район г. Батуми) на востоке со столицей на месте г. Кутаиси [2].

Это была хорошо освоенная, цветущая страна со множеством крепостей, храмов, городищ. Сюда входил и комплекс оборонительных сооружений – крепостей в районе современной Красной Поляны и в долине р. Мзымты вообще. Эти сооружения, вероятно, могли быть использованы не только для защиты, но и в разбойничьих целях – для нападения на путников и на торговые караваны.

Между крепостями и постами обычно была хорошая видимость, что делало возможным устанавливать между ними связь с помощью дымовых или огневых (ночью) сигналов. Таковы в районе Красной Поляны крепости Бешенская, Монашка, Аибгинская, Ачипсинская, Куницинская, Котел и др., в том числе и крепость Пслухская.

Пслухская крепость, видимо, контролировала проход по тропе, ведущей от побережья в некое селение на безымянном ручье (ныне руч. Кольценко) по левому берегу Мзымты в обход скалистого прижима. Это селение под названием Домберга (или Домбер) указано на многих картах конца XIX – начала XX века, например, на Карте Кубанской области и близких к ней Черноморской губернии и части Сухумского округа, 1902 г. Местами заросшая, но ещё видимая, старая черкесская тропа напротив устья р. Пслух круто поворачивает от р. Мзымта (ныне от моста через р. Мзымта) и далее полого поднимается вверх в западном направлении вдоль поросшего лесом северного склона отрога. Тропа подходит к перевалу, названному нами Крепостным, и перевалив отрог, ведет, вероятно, к бывшему селу и на отроги хребта Аибга с её субальпийскими и альпийскими лугами.

Планировка и размеры раннесредневековых крепостей диктовались условиями местности – наличием выположенных площадок или, напротив, крутых скальных участков – естественных препятствий. Так, наша Пслухская крепость сооружена на отпрепарированной выветриванием диабазовой дайке – крутом скальном отроге, и выстроена из крепкого диабаз – горной породы магматического происхождения, который добыт здесь же на месте. Прочный строительный камень – залог сохранности сооружения, переживающего века. К слову сказать, место предполагаемого расположения крепости Роза-Хутор между ручьями Сулимовский и Лесной сложено совсем другими горными породами – слабыми трещиноватыми и выветрелыми юрскими черными сланцами, буквально рассыпающимися в руках. Тут нет хорошего строительного материала. Возможно поэтому крепостная постройка Роза-Хутор, если она была, и не сохранилась [3].

Обычно при возведении стен крепости снимались почвенный слой и слой рыхлых четвертичных накоплений. При этом обнажалось скальное основание, в котором на склонах высекали ступень – она служила основанием фундамента. Особенно часто такие ступени по периметру крепости делались в горной зоне, там, где встречались слабые, разрушенные выветриванием сланцеватые породы. Затем на этой ступени возводились стены из блоков более крепких горных пород. Нередко это были узкие ярусы общей высотой в 5–6 м. Иногда в верхней части такие стены оформлялись зубцами.

Обычно кладку стен укреплений осуществляли из каменных блоков местной породы (известняки, сланцы, диабазы, порфириды, песчаники и др.). Кладка имела вид наружного панциря, выложенного несколькими рядами при одновременной забутовке более мелким рваным (ломаным) камнем на скрепляющем растворе из извести и мелкого рыхлого песчано-дресвяно-щебенистого или песчано-гравийного материала. При дефиците извести и воды применялась нерегулярная облицовочная крупноблоковая кладка насухо. Там, где блоки клались насухо, без скрепляющего раствора, теперь, к сожалению, приходится наблюдать развалы камней, к тому же замаскированные растительностью, что имеет место, например, на крепости Монашка-1.

Оборонительную линию каждой крепости укрепляли, как правило, выступающими наружу башнями и контрфорсами. На труднодоступных участках эти элементы могли иметь прямоугольную, либо, как в случае Пслухской крепости, полукруглую или треугольную в плане форму.

Башни обычно были двухярусными с деревянными межэтажными перекрытиями и с верхней боевой площадкой. Нижний этаж мог быть заполнен бутовым камнем для наращивания естественной возвышенности. Последнее имело место, видимо, и на двух башнях Пслухской крепости. На второй этаж обычно попадали по приставной лестнице или по стене. В настоящее время обе башни Пслухской крепости (восточная и западная) разрушены и заросли деревьями, и неизвестно, были ли у них смотровые окна или бойницы.

Впервые комплекс мзымтинских крепостей в районе Красной Поляны, в том числе и Пслухская крепость, был обследован в 1968–1971 гг. известными краснополянскими краеведами Л.Н. Кольценко и Л.Л. Ситниковым.

В 1971–1974 гг. эти исследования были продолжены доктором исторических наук, членом ученого совета Сочинского отделения Русского географического общества Ю.Н. Вороновым (г. Сухуми) совместно с краеведами Л.Л. Ситниковым и В.Б. Левинтасом и с привлечением материалов Сочинского музея краеведения, школьных музеев в пос. Красная Поляна и в селе Весёлое. На территории Пслухской крепости при её обследовании тогда же были найдены фрагменты раннесредневековой скотоводческой посуды (пифосов, мисок, кувшинов и пр.).

Вот как описали исследователи Пслухскую крепость в 1970 г.:

«Пслухская крепость находится в 12 км от центра Красной Поляны и в 6 км от Ачипсинской крепости на левом берегу р. Мзымта напротив впадения в неё р. Пслух. На первом уступе на высоте около 150 м над уровнем реки хребет имеет относительное уплощение длиной до 180 м, на котором и расположена крепость, вытянутая с запада на восток. Восточная оконечность площадки слегка возвышена и защищена 15–25-метровыми обрывами. На возвышении сохранились остатки стен, башни прямоугольной формы, сложенной из ломаного камня на известковом растворе с примесью речного песка и сланцеватого гравия.

Северная стена крепости проходит по гребню, её длина более 200 м, высота местами до 1–1,5 м. Кладка облицовочная с забутовкой на растворе. Ширина стены 1 м. В западной части имеется довольно высокое (до 15–20 м) естественное возвышение, на которое взбирается стена. На вершине прямоугольная башня размером 6 х 7 м. Башня имеет массивную искусственную подушку, наращивающую вершину. От юго-восточного угла башни отходит южная стена. В отличие от северной она спускается довольно круто вниз по склону, охватывая наиболее пологую его часть.

Строительство стены по крутому склону обусловило ряд её особенностей. Ширина стены достигает 1,4 м. Спуск осуществлялся ступенчато. В трёх пунктах, где имелись повороты и особенно резкий склон, из стены наружу выступают на 1–2 м треугольные в плане контрфорсы, органически связанные со стеной. Кладка в этой части крепости отличается прочностью, облицовка выполнена аккуратно подобранными небольшими блоками, местами даже с сохранением рядов. Общая длина южной стены также более 200 м.

Таким образом, хорошо выделяется комплекс местных раннесредневековых крепостей, которые характеризуются как выработанными в местных условиях признаками, так и заимствованием важнейших строительных приёмов у византийских сооружений» [4].

К вышесказанному предыдущими авторами можно сказать, что Крепостной перевал, откуда, видимо, был вход в крепость, представляет собой естественный ров в разрушенных юрских сланцах. Ров образовался на месте секущего отрога поперек тектонического нарушения, которое прослеживается

ся на северном склоне в виде распадка, расширяющегося книзу до русла р. Мзымта.

К характеристике кладки стен Пслухской крепости нужно добавить, что кладка выполнена из блоков местного камня, которые представляют из себя в основном уплощенные параллелепипеды с размерами в среднем 20 см х 30 см х 15 см. Материал блоков: диабаз и диабазовый порфирит – зелено-вато-серая жильная горная порода основного состава (пироксен-плагиоклазовая), мелкозернистая и среднезернистая, крепкая и очень крепкая, слабо выветрелая, слаботрещиноватая. Местами (западная башня) в кладке присутствуют обломки более слабых туфов основного состава и сланцев.

Для сохранения этого памятника истории и культуры рекомендуется за счет инвесторов ГЛК «Роза-Хутор» провести дальнейшие научные археологические исследования с привлечением специалистов Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Согласно рекомендациям ученых и специалистов, нужно определить охранную зону памятника и установить её режим. Видимо, возможны, согласно рекомендациям, частичная расчистка и благоустройство территории крепости и подходов к ней, частичная реконструкция (с макетированием) сооружений уникальной Пслухской крепости. Возможно также в перспективе использование Пслухской крепости (в летнее время) в качестве экскурсионного объекта Сочинского национального парка.

Примечания:

1. Каталог историко-культурного наследия Сочи. Управление культуры администрации г. Сочи. Сочи, 1997. С. 58.

2. См.: *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

3. Там же.

4. *Воронов Ю.Н., Иванова М.И. и др.* Древности Большого Сочи (материалы по археологии Северо-Восточного Причерноморья). 1970. Архив СО РГО, арх. № 131.

Армянское и греческое население Сочинского района в конце XIX – первой трети XX вв.

О.В. Бершадская

**Финансовый университет при Правительстве РФ, Краснодарский филиал,
Россия**

Аннотация. В статье рассматривается история заселения Большого Сочи армянами и греками в конце XIX – первой трети XX вв.

Ключевые слова: переселение, греки, армяне, Сочинский район, конец XIX – первая треть XX вв.

В истории Большого Сочи особое место занимают представители армянского и греческого народов, чьи предки стали переселяться сюда во второй половине XIX в.

Подавляющее большинство армян-переселенцев, которые оседали на территории Черноморского округа (губернии) в данный период, являлись выходцами из Трапезундского вилайета Османской империи. Эта территория, расположенная на южном побережье Черного моря от Батуми до Синопа, включала в себя историческую местность Амшен. Амшенские армяне на протяжении нескольких столетий находились под турецким игом, но, несмотря на это, сумели сохранить христианскую веру и уникальные культурные традиции.

Трапезундский вилайет также явился местом исхода православных понтийских греков. Переселение представителей этих народностей на Черноморское побережье Кавказа было вызвано давлением и дискриминацией со стороны турецких властей.

27 февраля 1862 г. император Александр II утвердил Положение Особого комитета, определившее условия переселения христианских народов с территории Османской империи в Россию. В соответствии с этим документом армянам и грекам не разрешалось предоставление гражданства и права постоянной оседлости [1]. Спустя несколько лет ситуация изменилась в лучшую сторону. В 1866 г. комиссия, присланная из Тифлиса, исследовала быт основной массы переселенцев Черноморского округа – казаков Шапсугского батальона и пришла к выводу, что «русский человек не способен удовлетворить требованиям культуры рассматриваемого края», так как специфические природно-климатические условия Черноморья предполагают особые навыки хозяйственной деятельности [2]. В результате этого заключения Управлением Кавказского наместничества через агронома, специально командированного в Турцию, армяне и греки были приглашены для поселения на льготных условиях [3].

10 марта 1866 г принимается Положение «О заселении Черноморского округа и управлении оным», которое упорядочило переселенческий процесс, а также расширило права армянских и греческих переселенцев. Иностранцы христианского вероисповедания становились членами сельских обществ и получали земельные наделы в бессрочное потомственное пользование «без права обременять землю долгами или отчуждать ее, за исключением случаев переуступки земли крестьянам...» [4]. Размер земельного надела составлял 30 десятин удобной земли на семью.

На территории Сочи первое поселение амшенских армян – Уч-дере возникло в 1884 г. [5] К началу XX в. армяне – выходцы из Трапезундского, Лазистанского и Самсонского (Джаник) округов Трапезундского вилайета составляли значительную часть жителей в таких населенных пунктах как Лоо, Хобза, Каткова Щель, Зубова Щель, Сергей-Поле, Мамайка, Раздольное, Краевско-Армянское, Липники, Нижняя и Верхняя Шиловка и др. [6]

Понтийские греки основали селения Красная Поляна (1878 г.), Лазаревское (1869 г.), а также Лесное, Вишневка и ряд других населенных пунктов [7].

В 1895 г. в Турции начались массовые погромы и резня армянского населения. В связи с этим миграция армян на Черноморское побережье Кавказа стала более интенсивной.

По данным Первой Всеобщей Переписи населения Российской империи 1897 г. в Сочинском округе проживало 3857 чел. армян, которые составляли 28,5% населения. Греков насчитывалось 2092 чел. или 15,5% [8]. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. представители армянского и греческого народов составляли почти половину жителей Сочинского округа. Остальная часть населения была представлена русскими (28,5%), грузинами (7,4%), черкесами (5,5%), молдаванами (4,5%), эстонцами (4,4%) и др. [9]

В рассматриваемый период армяне и греки внесли большой вклад в развитие экономики Черноморья и, в частности, Сочи. Они обладали навыками горного земледелия и в большинстве своем являлись высококвалифицированными табаководами. Надо отметить, что в Османской империи табаководством занимались главным образом христианские народы, а именно греки и амшенские армяне [10]. Природные условия Черноморья позволяли выращивать табак высокого качества В то время как русские переселенцы с трудом адаптировались к новым для них условиям обитания и, продолжая вести традиционное зерновое хозяйство, терпели убытки, армяне и греки преуспевали в производстве табака. В короткие сроки черноморские табаки таких сортов как Самсун, Трапезунд, Синоп, Дюбек составили конкуренцию турецким, и их экспорт стал «доходной статьей экономики России» [11].

Важной отраслью сельского хозяйства Черноморской губернии являлось садоводство. С начала XX в. в районе Сочи стали выращиваться амшенские груши, саженцы которых привезли с собой армяне-переселенцы [12].

В 1915 г. на территории Трапезундского вилайета разыгралась очередная трагедия, связанная с геноцидом армянского населения. Это вызвало

новую волну иммиграции армян на Черноморское побережье Кавказа. Переселенческий процесс продолжался в период Гражданской войны и в первые годы после ее окончания. Он проходил как стихийно, так и под контролем правительства. Например, постановлением Постоянной Комиссии СТО по иммиграции от 14 января 1924 г. был решен вопрос об устройстве на территории Сочинского района 430 армянских беженцев, принудительно высаженных турецкими судами на Черноморском побережье [13].

В результате в первой половине 1920-х гг. в Сочинском районе образовался ряд новых сельских поселений. Так, по воспоминаниям современника – жителя Сочинского района, «на территории ...Воронцовского сельсовета ...уже в советское время (1920-1921 гг. – О.Б.) образовались новые населенные пункты и в первую очередь «Хлебороб» и «Луис», исключительно за счет переселившихся армян – высококвалифицированных плантаторов-табаководов...» [14]. В этот же период в Волковском сельсовете возникло селение Шаумяновка, где поселились армяне-«трапизонцы», а в Кичмайском сельсовете – Солоники, где основную часть жителей составили армяне-«джаникцы» [15].

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. среди сельских жителей Сочинского района преобладали представители армянского населения – 42,9%. Удельный вес греков составлял 12,1% [16]. Армянские деревни, как правило, находились в предгорной зоне и были равномерно распределены по территории района. Греки преобладали в поселениях, Адлерского, Леснянского, Новолишенского и Пиленковского сельских Советов [17].

Армяне и греки, переселившиеся на Черноморье в годы революции и Гражданской войны, в большинстве своем сохраняли турецкое подданство, поэтому могли быть только арендаторами земли, а не пользователями. В 1924 г. Наркомат земледелия РСФСР специальным письмом уведомил, что иностранные подданные, проживающие в Кубано-Черноморской области, не ограничены в праве заниматься табаководством наравне с гражданами России. На них распространялось право применения наемного труда, а также аренды земли сроком на 12 лет [18]. Табаководы арендовали землю в основном у государственных структур – комитета земельного имущества, совхозов, и др. Однако греки, проживающие в Краснополянском сельсовете, жаловались, что вынуждены арендовать землю под табачные плантации у Курортного управления, которое создавало «кабальные» условия аренды. В итоге здесь были зафиксированы «эмигрантские настроения», выражающиеся в желании выехать на постоянное место жительства в Грецию [19].

Основным занятием представителей данных народностей по-прежнему оставалось производство табака. За годы гражданской войны табаководство пережило упадок, и в 1920-е гг. было восстановлено на 60–70% по сравнению с довоенным уровнем [20]. В период НЭПа эта отрасль являлась приоритетной в сельском хозяйстве Черноморского округа. Табаководческим хозяйствам предоставлялись значительные льготы по выплате единого сельскохозяйственного налога, а также право на внеочередное землеустройство за счет земель из государственного фонда [21].

Со второй половины 1920-х гг. в табаководстве начинается кризис, вызванный неправильной финансовой политикой государства, которая выразилась в слабом кредитовании табаководческих хозяйств и установлении высоких акцизов на табак. В результате сочинские табаководы постоянно жаловались на то, что, работая по 16–18 часов в сутки, испытывают «острую нужду» [22]. Часть плантаторов-табаководов даже высказывалась за то, чтобы «отойти от Черноморского округа и присоединиться к Абхазии, поскольку там табак продавался более выгодно» [23].

В 1920-е гг. основная часть армянского и греческого населения располагала доходом от 33 до 100 р. на едока и по социальному положению относилась к середняцким слоям [24]. Так, например, в населенных пунктах Лоо-Волковского сельсовета, где 63% жителей составляли армяне, 75% жителей являлись середняками и 25% - бедняками [25]. Социальное расслоение в армянских и греческих деревнях часто затушевывалось бытовыми особенностями, в частности, взаимопомощью, основанной на родственных связях [26].

В рассматриваемый период в бытовом укладе армян и греков доминировали патриархальные традиции. Общественный статус мужчин был намного выше, чем женщин, у армян даже сохранялся обычай воровать невесту перед свадьбой [27]. В армянских и греческих семьях женщины, как правило, рассматривались только в качестве домашних хозяек – хранительниц очага. Поэтому у представителей этих народностей наблюдалось пренебрежительное отношение к участию женщин в общественной работе [28].

До революции национальные образовательные учреждения были представлены армянским и греческим училищами, открытыми в период 1910–1912 гг. в посаде Сочи [29]. По данным К. Дмитриева греческая школа была построена на средства председателя Сочинского общества греков И.К. Политиде, которые также оплачивал основные расходы учителей, выписанных из Греции [30].

В 1920-е гг. в Черноморском округе насчитывалось 63 армянские школы и 25 греческих школ. Большинство из них располагалось на территории Сочинского района. Национальные школы испытывали острую потребность в учебниках и литературе на родном языке. В армянских школах обучение шло на армянском языке, в греческих школах – на русском языке в связи с отсутствием преподавателей-греков [31]. В силу различных причин около 20% детей школьного возраста не посещали занятия [32].

Относительно политических настроений армянского и греческого населения необходимо отметить следующее. Большинство армян и греков относились к зажиточным слоям, поэтому известие о захвате власти в стране большевиками вызвало у них опасение передела собственности. Симпатии основной части армянского и греческого населения оказались на стороне Белого движения. Армяне составили отдельный батальон Добровольческой армии, а также пошли на добровольную службу в государственную стражу [33]. В крестьянском движении, которое развернулось на территории Сочи в 1918–1920 гг., армяне и греки практически не принимали участия. По мне-

нию А.А. Черкасова, «отчасти это объясняется тем, что ни греки, ни армяне как иностранные подданные в Крестьянское ополчение не призывались» [34].

В годы НЭПа отношение армянского и греческого населения к советской власти в целом было лояльным. Эмигрантские настроения, зафиксированные у некоторых из них, были вызваны плохими условиями для развития хозяйства. В 1924–1925 гг. в Сочинском районе работали три армянские политические школы-передвижки, которые оказали большое влияние на общественно-политическую эволюцию армян. Во второй половине 1920-х гг. мужская часть армянских крестьян проявляла высокую степень политической активности, участвуя в работе местной исполнительной власти. Среди армянской молодежи наблюдалось массовое стремление вступить в комсомол [35].

Греки не так активно, как армяне, занимались партийной и советской работой. Большинство из них были весьма религиозны и находились под влиянием священнослужителей. Однако греки активно участвовали в культурно-просветительной работе. Так, в Красной Поляне успешно функционировала и пользовалась популярностью греческая секция при избе-читальне, а также действовал греческий драмкружок в составе 30 чел., созданный по инициативе местной комсомольской организации [36].

Таким образом, армяне и греки, являясь значительной частью населения Сочинского округа (района), принимали непосредственное участие в экономической и политической жизни, сохраняя при этом свой язык, особенности культуры и быта. В последующие годы представители этих народов разделят со всеми жителями Сочи тяготы и лишения в годы сплошной коллективизации и раскулачивания.

Примечания:

1. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000. С. 33.
2. Черноморский округ и его производительные силы. Т.1. Новороссийск, 1924. С. 28.
3. Там же. С. 28.
4. Ленский Н.А. Колонизация Черноморского побережья // Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Краснодар, 1924. С. 155.
5. Кузнецов И.В. Населенные пункты амшенских армян в Краснодарском крае, Адыгее и Абхазии // Б.Г. Торлакян. Этнография амшенских армян. Краснодар, 2002. С. 186.
6. Cherkasov A.A. Provincial town transportation system in early XX century (Sochi posad case study) // European researcher. 2011. № 1 (3). P. 38–43.
7. Попов А. Понтийские греки // Бюлетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2000. № 2. С. 102.
8. Рожко Е.Э. Хозяйственная колонизация Черноморского округа в 1870–1890-е гг.: формирование межэтнических черт ментальности // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 2. С. 18–22.

9. Черкасов А.А. Центр и окраины: культурная жизнь посада Сочи в 1894-1917 гг. (по данным периодической печати) // Вестник СГУТиКД. 2009. № 1 (7). С. 179-185.
10. Попов А. Указ. соч. С. 114.
11. Тверитинов И.А. Указ. соч. С. 90.
12. Торлакян Б.Г. Этнография амшенских армян. С. 34.
13. Российский государственный архив экономики. (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 2148. Л. 14.
14. Архив музея истории города-курорта Сочи (АМИГКС). Ф. 6. Д. 259. Л. 24об.
15. Кузнецов И.В. Указ. соч. С. 187.
16. Подсчитано по: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись 1926 года (далее – Всесоюзная перепись населения 1926 г.). Т. 5. М., 1928. С. 314.
17. Попов А. Указ. соч. С. 131–132.
18. РГАЭ. Ф. 478. Оп.5. Д. 2918. Л. 47
19. АОАГН. Р-9. Оп.1. Д. 685. Л. 90.
20. Там же. Л. 90.
21. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-25. Оп.1. Д. 36. Л. 21–21 об.
22. АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 189. Л. 124–124 об.; Д. 196. Л. 50.
23. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп.1. Д. 285. Л.9.
24. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 763. Л. 19 об.
25. АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 685. Л.90.
26. ЦДНИКК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 763. Л. 19.
27. АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 685. Л. 89 об.
28. Там же. Л. 88.
29. Тверитинов И.А. Указ. соч. С. 135.
30. Дмитриев К. Общественное движение греков // Бюлетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. С. 56.
31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 16. Д. 1002. Л. 65.
32. Там же. Л. 94 об.
33. Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003. С. 133.
34. Там же. С. 134.
35. АОАГН. Ф. Р-9. Оп.1. Д. 685. Л. 94.
36. Там же. Л. 90 об.